

читателя выглядит отсутствие в книге всякого упоминания деятельности Комитета заграничной организации РСДРП в составе ведущих большевиков-эмигрантов (В. Ульянова, Н. Крупской, И. Арманд, В. Шкловского), развернувших из Швейцарии агитационную деятельность в лагерях военнопленных Центральных держав. Ситуация кардинально изменилась после появления в Швейцарии «старого» и советского обществ Красного Креста, жестко конкурировавших друг с другом среди вынужденно задержавшихся в нейтральной стране сограждан. Уверенность швейцарских властей в том, что советские представители занимаются лишь пропагандой и организацией массовых забастовок в стране, привела не только к высылке миссии, но и к изменению самого либерального в Европе швейцарского миграционного законодательства. Внутриполитические конфликты, страх перед чужаками, рост антисемитизма и антибольшевизма отразились на судьбе русских военных. Отныне в них видели угрозу безопасности, от которой следовало как можно скорее избавиться. Следствием этого

стала трансформация образа России в целом, обусловившая поворот в истории российско-швейцарских отношений (s. 77, 199–200).

Бесспорным достоинством книги является ее информативность. Перед российским читателем предстает множество неизвестных фактов по истории Швейцарии в годы Первой мировой войны: противоречивость статуса маленькой нейтральной страны в эпоху колоссальных европейских потрясений, значимость вопроса о беглых, дезертирах и интернированных в общественной дискуссии и антиправительственной критике, устойчивость стереотипов в формировании образа старой и новой России. Однако на фоне детального и глубокого анализа этих масштабных процессов казалось бы главные герои книги – «русские солдаты» – оказываются всего лишь поводом для попытки создания качественной структурной истории.

О.С. Нагорная,
кандидат исторических наук
(Южно-Уральский государственный университет)

С.В. Карпенко. Белые генералы и красная смута. М.: Вече, 2009. 432 с.

Формально С.В. Карпенко поставил в своем исследовании задачу вскрыть финансовую подноготную Белого движения на Юге России. Получилось нечто большее: работа, всесторонне характеризующая возможности создания антибольшевистской, демократической России. Книга начинается с «Быховского пролога» и заканчивается «Константинопольским эпилогом», между ними разместились 3 раздела соответствующих временным рамкам и географическим привязкам белогвардейского движения: «Меж Тихим Доном и вольной Кубанью» (о перипетиях взаимоотношений с тамошними «самостийниками»); «Под перезвон московских колоколов» (об отчаянном броске деникинцев на большевистскую столицу); «Крым – вторая Россия» (о врангелевской попытке выстроить локальную альтернативу большевизму).

Теоретически Гражданская война могла развернуться по иному сценарию, окажись в руках белых генералов сразу же значительные средства: многократно усилился бы приток добровольцев из числа безработных офицеров. Однако донской атаман А.М. Каледин, опасаясь местных социалистов, дистанцировался от добровольцев, предприниматели, надеясь на скорый провал большевиков, отделались

выплатой ничтожных сумм. Не лучше вели себя и союзники России. В сущности, большая часть 1918 г. ушла на отчаянные поиски не только средств, но и пристанища для немногочисленной Добровольческой армии. Распад империи обернулся появлением на юге марионеточной «державы» П.П. Скоропадского, полузависимого от немцев правительства атамана П.Н. Краснова, а также Кубанской рады, вдохновляемой социалистами-федералистами. В результате снабжение добровольцев поддерживалось с помощью сомнительного бартерного обмена: кубанцы поставляли на Украину зерно, которое передавалось немцам, а взамен поставлялось русское оружие из запасов Юго-Западного фронта, которое Краснов перепродавал белогвардейцам. В мае–июне 1918 г. Добровольческая армия балансировала между двухнедельной и месячной потребностью в деньгах, а «в случае неполучения в конце этого срока обещанных союзниками 10 млн пришлось бы приступить к ликвидации армии» (с. 121). К осени 1918 г. денежное обращение на территориях, приютивших Вооруженные силы Юга России, «приобрело невиданную доселе пестроту»: ходили дореволюционные дензнаки, «керенки», крымские и донские рубли, украинские карбованцы, деньги советских

республик Северного Кавказа, не говоря уже о всевозможных облигациях, банковских чеках и купонах, выпущенных городскими думами, управами и Советами.

К октябрю 1918 г. финансирование и снабжение Добровольческой армии почти целиком находилось в руках правителей Дона и Кубани. Добровольцам пришлось прибегнуть к контрибуциям. Но и это не решало проблемы: из-за роста цен жалование офицеров-добровольцев оставалось ниже прожиточного минимума, поэтому особо ценным видом трофеев стали деньги, обмундирование и обувь пленных. Задолго до похода на Москву в среде добровольцев зрели симптомы последующего разложения, а финансовое положение Юга России постоянно балансировало на грани краха – таков лейтмотив исследования Карпенко. Осенью 1919 г., когда добровольцы, казалось, достигли наивысших успехов, слабость тыла раскрылась в полной мере: сказались непомерный рост бюрократии, сложности взаимодействия гражданских и военных властей, трудности снабжения, обострение взаимоотношений с казачеством, недовольство населения «поборами». «Единое экономическое пространство» на Юге России не сложилось, до конца 1919 г. так и не удалось объединить существующие денежные системы. В результате долг генералов перед Кубанью за продовольствие неуклонно рос; хуже того, отбирая хлеб и лошадей, командование не могло обеспечить население остро необходимыми мануфактурой, керосином, углем, металлоизделиями. Инфляция стала неуправляемой: в сентябре 1919 г. вся денежная масса, обращавшаяся на территории Вооруженных сил Юга России (ВСЮР), в 75 раз превышала количество денег, ходивших на территории империи до начала мировой войны.

От денежной реформы белогвардейцы отказались, полагая, что она не даст должного эффекта до восстановления экономики в общероссийском масштабе. Попытка обзавестись «своими» деньгами провалилась: население по-прежнему предпочитало «романовские» деньги; на свободном рынке курс рублей ВСЮР так и не поднялся выше донской «валюты». До фронтовиков скудный денежный поток доходил с трудом, армию разлагал хаос реквизиций и «самоснабжения». Не удивительно, что основными «устоями» деникинской финансовой политики стали косвенные налоги и денежная эмиссия. Знаменитый лозунг «На Москву!», казавшийся авантюристичным, был в значительной степени продиктован безнадёжностью хозяйственной ситуации в тылу. При этом Деникин «явно недопонимал, что инфляция, растущая в среднем почти на 20% в месяц в самой богатой области Юга России

в условиях успешного продвижения войск к Москве и поступления на рынок нового, богатого урожая, – верное свидетельство кризиса финансовой системы» (с. 256).

Возможность удовлетворить потребности армии в военных материалах, а населения в промтоварах в сложившихся условиях позволял только импорт. Однако вывоз сырьевых ресурсов столкнулся с неожиданными трудностями: значительная часть судов российского черноморского флота оказалась в руках союзников в качестве трофеев, захваченных у немцев; западным фирмам проще было завозить дорогостоящие товары, ненужные для массы нищающего населения России; частные торговцы думали о собственной выгоде, а не о нуждах армии. Началась спекулятивная горячка, беспорядочный вывоз сырья контрагентами, подрывавшие планы командования. Этому способствовала и явно антироссийская направленность внешнеторговой политики союзников. Попытки осуществить монополию внешней торговли натолкнулись на разгул спекуляции, мздоимства и казнокрадства. «Делиться частью прибыли с чиновной братией – к этому неизбежному злу русские купцы привыкли, – отмечает автор. – Но столкнувшись с неслыханным вымогательством, многие из них стали бороться за отмену всяких ограничений и регулирования вообще» (с. 284). «Раскрепощение» внешней торговли (путем ее детальной регламентации) не смогло исправить положения. «Продуманные» финансовые планы натолкнулись на сложившийся фронт взяточников, вымогателей и казнокрадов, умело собирающих дань с частных фирм, выступающих контрагентами власти.

Белогвардейские власти упорно настаивали на «свободной» торговле, но по «твердым» ценам. Однако крестьяне по старой привычке этому воспротивились. В итоге наступающим полкам порой приходилось возить с собой промтовары для обмена их на продовольствие. Затем «твердые цены» отменили, но была введена «военная хлебная повинность». Естественно, крестьяне не спешили расставаться с продуктами своего труда в обмен на сомнительные квитанции. Недостатки снабжения добровольцы стали восполнять «самоснабжением». Появился даже специальный термин «реалдоб» (реальная добыча), под ним подразумевались не только продовольствие, обмундирование, вооружение, но и все то, что можно было продать или выменять. «В начале осени в Добровольческой армии, Киевской и Новороссийской группах войск самочинные бесплатные реквизиции и грабежи распространились почти повсеместно» (с. 307). Суровые наказания за грабеж, вплоть до расстрела, не

помогали: командиры покрывали своих подчиненных.

Как известно, П.Н. Врангель критиковал Деникина за безумную попытку «идти на Москву с разлагающейся армией и дезорганизованным тылом». Однако сам он вынужден был действовать сходным образом. Так, захват Северной Таврии преследовал двоякую цель: склонить на свою сторону британское правительство, подумывающее о налаживании отношений с большевиками, и завладеть тамошними запасами продовольствия. Широко разрекламированная аграрная реформа оказалась сведена к подобию столыпинских нововведений, которые не могли удовлетворить крестьянство в целом, особенно бедноту. Врангелевское военное управление страдало теми же пороками, что и деникинское. При общей численности русской армии в 50 тыс. человек, в центральном аппарате военного управления служили 20–25 тыс., что составляло почти половину офицерского состава. Реорганизация госаппарата привела к тому, что над старыми губернскими органами встал громоздкий и неэффективный бюрократический механизм – общее число чиновников увеличилось ровно вдвое. Усугубляли ситуацию инфляция, волокита, взяточничество, спекуляция. Грозные приказы Врангеля, вплоть до введения смертной казни за казнокрадство, положения не спасали.

Безнадежность ситуации по-своему символизировали деньги. В июле–августе 1920 г. «романовские» стоили в 40–60 раз дороже рублей ВСЮР, «керенки» – в 4, «донские» – в 2 раза. С июля по октябрь цена английского фунта на бирже поднялась с 28 тыс. до 105 тыс. руб. Попытка сбить инфляцию и рост цен, запретив вывоз за границу драгоценностей и русских денег, а также хождение советских рублей, не принесла результата. Впрочем, по мнению автора, ситуация была столь запутанной, что до воссоздания достоверной картины еще далеко. В частности, остается неясным вопрос: не вознесли ли себя дипломаты и финансовые агенты белогвардейцев «выше тех, кто боролся против большевиков с оружием в руках в России?» (с. 408).

Единственным существенным источником пополнения валютного фонда вновь стал экспорт зерна. 1 июля была введена государственная монополия на хлебную торговлю. Но Врангель так и «не сумел победить коррупцию, не обуздал “патриотов своего кармана” и “торговцев Россией”». Оказалось, что весь

объем хлебного экспорта в 1920 г. был почти втрое ниже довоенного вывоза зерна из Таврической губ. Даже богатые крестьяне не желали снабжать армию по «твердым» ценам, которые были в 15–20 раз ниже рыночных. К концу лета стала возвращаться практика реквизиций. Ничего не помогало: взамен зерна удалось ввезти количество угля и жидкого топлива, которое удовлетворяло потребности армии и населения (возросшего почти на полмиллиона беженцев) лишь на 30 и 50% соответственно. Не было создано даже запасов хлеба, требуемого до урожая 1921 г. В августе–сентябре в сознании крестьян Северной Таврии произошел перелом: «Красную армию стали ждать как освободительницу», надеясь, что с установлением мира возобновится взаимовыгодный товарообмен с Центральной Россией. Городское население было недовольно еще больше: с апреля по октябрь 1920 г. цены на продовольствие поднялись в 16–20 раз, на промтовары – в 12 раз, на топливо – в 50 раз. «Города стонали от убийств и вооруженных налетов», пишет автор, отмечая, что «наибольшей организованностью и жестокостью отличались банды из офицеров, напроць утративших бывшие нравственные устои» (с. 392). Союзники окончательно отказались помогать белогвардейцам. Последний французский «грабительский» заем мог обеспечить лишь 10% требуемого для армии военного имущества. «При всей приверженности свободе торговли Врангель не смог не прибегнуть к ее регулированию», – заключает Карпенко (с. 387). Победить «героев своего кармана» оказалось не легче, чем большевиков.

На фоне существующей литературы о Белом деле рецензируемая книга является по-настоящему поучительной. Автор в эффективной форме захватывающего повествования, но предельно объективно изложив перипетии хозяйственной политики белогвардейцев, показал, что их военные успехи были эфемерны, поскольку экономических рецептов для «спасения России» они не отыскали. Обуздать «смуту» им было не дано. Более того, создается впечатление, что генералы ощущали обреченность своих планов, а политические лидеры больше думали о доктринах и «судьбах России», нежели о жизнях конкретных людей, гибнущих за Белое дело.

И.В. Михайлов,
кандидат исторических наук (МГИМО-У)